I. АНТИНОМИЧНОСТЬ ПОЭТИКИ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА: ТЕОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ

https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0875-2-15-27
https://elibrary.ru/AZFFZX
УДК 82.0
Научная статья / Research Article
18+

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

К ВОПРОСУ ОБ «АНТИНОМИЧЕСКОЙ ПОЭТИКЕ» Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО

© 2026 г. Е.А. Андрущенко

Исследование выполнено в ИМЛИ им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00248, URL: https://rscf.ru/project/24-18-00248/

Аннотация: В статье предпринимается попытка осмыслить некоторые особенности «антиномической поэтики» Д.С. Мережковского в его исторической беллетристике. Художественные задачи стилизации в III части романа Д.С. Мережковского «Антихрист. Петр и Алексей» также поясняются чертами этой поэтики: исторические источники, к которым обращался автор, не содержали тех антиномий, которые символизировали бы глубинные противоречия между Петром и Алексеем. Жанровая модель дневника двух разных лиц, — иностранки, являющейся наблюдателем извне, и царевича Алексея, находящегося в остром конфликте с Петром, — давала Мережковскому возможность воплотить те «позиции видения жизни» (М.М. Бахтин), которых ему недоставало в исторических источниках. Анализ свидетельствует о том, что Мережковский разрабатывал разновидности двух типов эгодокументов, работал точкой зрения авторов прототипных текстов, использовал специфические речевые реалии и интонацию, цитировал подлинные документы наряду с вымышленными и искажал факты и авторство высказывания. «Чужое» слово в вымышленных дневниках стало важнейшим стилеобразующим фактором: современное и архаичное, книжное и устное слово оказались оди-

наково художественно плодотворными. Стилизация эгодокументов эпохи, в которой «чужое» слово антиномично и наполнено собственной интенцией, своим художественным заданием и является двуголосым, ориентированным и на прототипный стиль, и на действительность, предъявляла интимную правду как провиденциальную и пророческую.

Ключевые слова: Д.С. Мережковский, антиномии, стилизация, эгодокумент, «чужое» слово, прототипный текст, интонация

Информация об авторе: Елена Анатольевна Андрущенко — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-8260-4961

E-mail: a.andru@mail.ru

Для цитирования: *Андрущенко Е.А.* К вопросу об «антиномической поэтике» Д.С. Мережковского // Антиномичность поэтики русского модернизма и современная гуманитарная мысль: коллективная монография / отв. ред. и сост. С.В. Федотова. М.: ИМЛИ РАН, 2026. С. 15–27. 1 электрон. опт. диск (CD-R). Текст: электронный.

https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0875-2-15-27

REGARDING D.S. MEREZHKOVSKY'S "ANTINOMIC POETICS"

© 2026. Elena A. Andrushchenko

Acknowledgements: The research was carried out at the A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, with the support of a grant from the Russian Science Foundation (RSF, project no. 24-18-00248, Available at: https://rscf.ru/project/24-18-00248/).

Abstract: The article attempts to comprehend some properties of D.S. Merezhkovsky's "antinomic poetics" in his historical fiction. These traits also explain the artistic purpose of stylization in the third part of Merezhkovsky's novel "Antichrist. Peter and Alexis": the historical sources consulted by the author did not contain the antinomies that would symbolize profound contradictions between Peter and Aleksei. The genre model of a diary belonging to two different people, a foreigner as an outside observer and Tsarevich Alexei being in an acute conflict with Peter, enabled Merezhkovsky to implement those "positions for viewing life" (M.M. Bakhtin) that he lacked in historical sources. The analysis indicates that Merezhkovsky developed variations of two types of ego-documents, acted as the viewpoint of the prototype texts' authors, employed characteristic speech realia and intonations, cited genuine documents alongside invented ones as well as distorted

facts and authorship of statements. Within invented diaries, intertext became an essential style-defining factor: modern and archaic, written and spoken word turned out to have equal artistic productivity. The stylization of ego-documents of a particular epoch represented intimate truths as providential and prophetic ones. Its intertext is antinomic, possesses its own intentions and artistic objectives and carries two voices, which refer both to the prototypic style and to reality.

Keywords: D.S. Merezhkovsky, antinomies, stylization, ego-document, intertext, prototype text, intonation

Information about the author: Elena A. Andrushchenko, DSc in Philology, Professor, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-8260-4961

E-mail: a.andru@mail.ru

For citation: Andrushchenko, E.A. "Regarding D.S. Merezhkovsky's 'Antinomic Poetics'." *Antinomichnost' poetiki russkogo modernizma i sovremennaia gumanitarnaia mysl'* [*The Antinomic Nature of Russian Modernism Poetics and Modern Humanities Thought*], ex. ed. Svetlana V. Fedotova. Moscow, IWL RAS Publ., 2026, pp. 15–27. (In Russian) 1 Electronic Optical Disc. Text: Electronic.

https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0875-2-15-27

Д.С. Мережковский по праву считается «главной фигурой "модернистского" движения в литературе на его первых стадиях» [9, с. 695]. Д. Мирский полагал, что у него «развился вкус к антитетическому мышлению, погубившему в конце концов и его, и его стиль. Антитетическая тенденция нашла свое яркое выражение в концепции Христа и Антихриста — трилогии исторических романов, первый из которых, *Юлиан Отступник*, или *Смерть богов*, появился в 1896 г. За ним последовали *Леонардо да Винчи*, или *Воскресшие боги* (1902) и *Петр и Алексей*. Третий роман принадлежит уже к следующему периоду творчества Мережковского» [9, с. 696]. По словам Мирского, романы первой исторической трилогии объединены идеей «полярного противопоставления греческой концепции святости плоти христианской концепции», что достигается за счет создания «многозначных контрастов и связей» [9, с. 697]. Мирский, по-видимому, подозревал Мережковского в том, что он мыслит на уровне примитивного противопоставления противоположных понятий (антитеза), не ощущает глубинного противоречия между двумя равными по значению явлениями (антиномия).

Антиномия прочитывается, прежде всего, в заглавиях: «Теперь или никогда», «Реформация или революция?», «Бес или бог?»,

«За или против?». Даже когда между частями заглавия использован союз «и», они мыслятся Мережковским как антиномии: «Христос и Антихрист», «Чехов и Горький», «Л. Толстой и Достоевский», «Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев», «Революция и религия», «Христианство и государство», «Трагедия целомудрия и сладострастия», «Иваныч и Глеб», «Аракчеев и Фотий», «Пророчество и провокация», «Асфодели и ромашка», «Балаган и трагедия», «Христианство и кесарианство», «Лев Толстой и церковь», «Лев Толстой и революция». Этот перечень можно множить. Особенности мышления Мережковского проявляются не только в семантике заглавий, но в композиции его произведений, системе персонажей, средствах выразительности, способах работы с «чужим» словом.

Иванов-Разумник сравнивал Мережковского с Каем из «Снежной королевы», который составляет «разные затейливые фигуры из льдин, и мы, читатели, видим перед собой Юлиана, Леонардо да Винчи, Петра — холодных, мертвых, неживых. <…> достаточно указать на власть слова — власть цитат над этим писателем. Вечные, бесконечные цитаты! Не он ими, а они им владеют. Интересно было бы подсчитать (громадный труд!), сколько раз герои Д. Мережковского — т. е. он сам — сколько раз они “*вспоминают*” по любому мелкому поводу чужие слова, цитаты, евангельские тексты и т. д. Если хотите видеть типичный пример — просмотрите последние страницы четвертой главы девятой книги “Петра и Алексея”: там автор, спрятавшись за манекенного Тихона, вспоминает, не давая бедному читателю ни отдыху, ни сроку, целый ряд цитат из Ньютона, из Брюса, из Писания, из Леонардо да Винчи — и все это связано словесными ассоциациями, сшито белыми нитками каламбурного мышления» [18, с. 94, 99].

Роман Мережковского «Антихрист. Петр и Алексей» [20], третья часть трилогии «Христос и Антихрист», который Мирский относит к новому этапу творчества Мережковского, основан на обширном и многообразном круге исторических материалов об эпохе Петра Великого. По-видимому, большинство доступных в ту пору изданий было Мережковскому известно, но не все приняты им и использованы. «Письма русских государей и других особ царского семейства» (1861) [21], работа Г.В. Есипова «Раскольничьи дела XVIII столетия» (1861–1863) [17], «Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича, вновь найденных Г.В. Есиповым, с приложением рассуждения М.П. Погодина» (1861) [23], пятый том «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева (1851–1879) [24] и шестой том «Истории царствования Петра Великого» Н.Г. Устрялова (1859) [25] цитируются, компилируются и пересказываются чаще всего.

Характер работы с ними разнообразен и уже становился предметом внимания [3, с. 420–430; 4, с. 119–127; 8, с. 598–636; 11, с. 102–111; 14]. «С точки зрения исторической достоверности метод работы Мережковского с источниками из русской истории не выдерживает критики, — писала З.Г. Минц, — Мережковский вкладывает слова одних исторических деятелей в уста других, нимало не заботясь о том, могло ли данное лицо в действительности их произнести, смещает даты, часто на десятки лет, не отличает извлечений из письменных источников от характера устной речи эпохи. Ни историческое, ни психологическое правдоподобие его не интересует» [8, с. 599]. Минц связывала это с рождением в творчестве Мережковского «поэтики романа символизированных идей» и полагала, что «без суховатой “логической” и осознанно экспериментальной поэтики трилогии Мережковского не было бы художественных открытий блестящей прозы Белого, Сологуба, Ремизова» [7, с. 372, 373]. Г.М. Пономарева видела смысл «перепутанных цитат» в его романах в том, что они являются «средством символизации, иронии, и шире — игры» [11, с. 109]. Он сказывается не только в самом механизме инкорпорирования «чужого» слова в ткань романа, но и в соотношении между повествовательной нормой и «чужой» речью. Как справедливо пишет В.В. Полонский, «приемы работы с документом и цитатой у Мережковского лишают источник собственного “голоса”, собственной полнозначной и самостоятельно ценностной позиции, вынуждая его служить подспорьем для диалектического утверждения безусловности авторской тематической линии» [10, с. 41].

Опираясь на разнообразные исторические источники, Мережковский не удовлетворяется их использованием, прямым цитированием и компиляцией материалов, почерпнутых из них. Он прибегает к «стилизации различных форм полулитературного (письменного) бытового повествования (письма, дневники и т. п.)» [2, т. 3, с. 9]. Когда роман начал публиковаться в журнале «Новый путь», Цензурный комитет выразил опасения, что «в книге 3-й печатаемого в названном журнале произведения Д. Мережковского под заглавием “Петр и Алексей” приводятся дневники фрейлины Арнгейм и Царевича Алексея. В обоих дневниках имеются места, неудобные с цензурной точки зрения, главным образом непочтительные отзывы о Петре Великом и Екатерине I. Места эти отмечены цензурующим в препровождаемых при сем корректурных оттисках. Хотя приводимые г. Мережковским исторические документы имеют весьма ценное значение для характеристики изображаемого в них времени, — тем не менее Комитет не признает возможным дозволить их целиком, тем более что жур-

нал “Новый Путь”, по программе своей, не является специально историческим» [19]. Цензор принял вымышленные автором дневники за подлинные документы эпохи, и Мережковскому пришлось оправдываться. Он писал, что «в III ч. трилогии “Петр и Алексей”, которая в настоящее время печатается в журнале “Новый Путь”, главная цель моя показать культурное величие Петра и оправдать его в деле его с царевичем Алексеем, за которое возводились на Великого Преобразователя столь тяжкие и тем не менее неосновательные и легкомысленные обвинения. Но в видах исторического реализма и объективности я должен был для отражения обвинений этих дать им наибольшую остроту и силу, что и сделано мною в представляемой III кн. “Дневник царевича Алексея”. Это как бы темные пятна на солнце славы Петра Великого» [19]. Примечательно, что Мережковский не сообщил в цензуру о своем авторстве «Дневника», а лишь подчеркнул его «наибольшую остроту и силу». Его мастерство стилизации проявилось в том, что выдержки из подлинных документов и вымышленные эгодокументы воспринимались как одинаково достоверные.

«Романное целое» романа «Антихрист. Петр и Алексей» распадается, если воспользоваться выражением М.М. Бахтина, на несколько «композиционно-стилистических единств» [2, т. 3, с. 9]. Он полагал, что автор романа «нуждается в какой-то существенной формально-жанровой маске, которая определила бы как его позицию для видения жизни, так и позицию для опубликования этой жизни» [2, т. 3, с. 268]. Можно сказать, что вымышленные Мережковским дневники в известном смысле и оказались этой «формально-жанровой маской». Жанровая модель дневника двух разных лиц — иностранки, являющейся наблюдателем извне, и царевича Алексея, находящегося в остром конфликте с Петром, — давала Мережковскому возможность воплотить те «позиции видения жизни», которых ему недоставало в исторических источниках, с помощью художественного образа чужого языкового стиля. Трагедия царевича Алексея во многом была затемнена отсутствием подлинных сведений о его мотивах и поступках, множеством слухов, сплетен, ложных свидетельств и документов. Этот пробел в историографии позволял Мережковскому представить свою версию событий, чему и служат вымышленные им дневники. «Сына с отцом судить будет Бог, — говорится в дневнике фрейлины Арнгейм. — Но людьми царевич оклеветан. Пусть же этот дневник, если суждено ему дойти до потомства, обличит или оправдает его, но, во всяком случае, обнаружит истину» [20, с. 158].

III книга романа имеет оригинальную композицию. Она называется «Дневник царевича Алексея», но состоит из трех частей, выделенных

графически: «I. Дневник фрейлины Арнгейм», «II. Дневник царевича Алексея» и «III. Дневник фрейлины Арнгейм». Таким образом, перед нами — дневник в дневнике, оба являются результатом искусной стилизации [2, т. 6, с. 142]. И если «прототипным» (Ю. Троицкий) [12, с. 169] или стилизуемым (Ю. Тынянов) [13, с. 200] «планом» для «Дневника царевича Алексея» могли быть его письма, к тому времени уже опубликованные, то для «Дневника фрейлины Арнгейм», содержащего точку зрения определенного в социальном плане лица — человека двора и иностранца, Мережковский мог воспользоваться моделью жанрово близкого документа эпохи, например, «Дневника камер-юнкера Берхгольца, веденного им в России в царствование Петра Великого: 1721–1725» (1857–1862) [16]. Он был одним из источников романа, проливавших свет на некоторые события той поры, и содержал важную для Мережковского точку зрения на них. К тому же перевод с немецкого давал стилистически нейтральный литературный текст. В начале и в конце «Дневника фрейлины Арнгейм» сделаны оговорки, позволяющие оформить кольцевую композицию и стилизовать эгодокументальность: «Буду писать этот дневник, так же как обыкновенно говорю, по-немецки, отчасти по-французски. Но некоторые шутки, пословицы, песни, слова указов, отрывки разговоров, рядом с переводом, буду сохранять и по-русски» [20, с. 98]; и в конце текста — «Я начала этот дневник проклятиями. Но кончу благословениями. Скажу лишь то, что, может быть, многие в Европе сказали бы, если бы лучше знали Россию: таинственная страна, таинственный народ» [20, с. 177].

В «Дневнике царевича Алексея» воссоздается специфическая и узнаваемая интонация, которая дает возможность передать культурную атмосферу [15, с. 7–18] и эмоционально-ценностную цельность высказывания, своего рода «голос» персонажа, образ его речи, содержащийся, как нам представляется, в «Собрании документов по делу царевича Алексея Петровича, вновь найденных Г.В. Есиповым». В письмах духовнику Якову Игнатьеву, например, царевич писал: «Зело ты изрядно сделал, что ей на письме ни какой отповеди не дал, и впредь письмами с такими людьми вязаться не надобно, а о месте изволь подумать где приличнее, а в доме твоем не прилично быть, а о сем ко мне отпиши» [23, с. 29–30]. В его «Дневнике» Мережковский воспроизводит характерный порядок слов и свойственную царевичу интонацию: «А как о той предике услышал, то оную корреспонденцию пресек и к нему не езжу, и к себе не пускаю, понеже у родшего мя он есть в ненавидении великом, и того ради мне писать к нему опасно» [20, с. 159]. Сближению стилизованного текста с подлинником

служит и прямое цитирование подлинных документов, получающих такой же статус, как и вымышленные, — автор «Дневника» переписывает в него письмо царевича Алексея его духовнику: «Священника мы при себе не имеем и взять негде. Молю вашу святыню, приищи какого попа на Москве, чтоб он поехал ко мне тайно, сложа священнические признаки, то есть, усы и бороду сбрив, также и гуменцо заростив, или всю голову обрив и волосы накладные надев и немецкое платье. И сказался бы моим денщиком. Пожалуй, пожалуй, отче! Яви милосердие к душе моей, не дай умереть без покаяния! Не для чего иного он мне, только для смертного случая, также и здоровому для исповеди тайной. А хорошо б, чтоб он под видом таким с Москвы от знаемых утаился, будто без вести пропал. А бритие бороды — не сомневался бы, ибо в нужде и закону пременение бывает: лучше малое преступить, нежели душу погубить без покаяния. Сочини сие безленостно, а буде не благоволишь сего сочинить, души нашей взыщет на вас Бог» [20, с. 160]. Текст этого недатированного письма царевича опубликован в «Собрании документов по делу…» [20, с. 40], что подтверждает наши предположения о нем как о прототипном для «Дневника» тексте.

В нем также очевидны «сигналы» [6, с. 17] или «речевые реалии» [5, с. 8], отсылающие к тем или иным «чужим» текстам. Используя присущие лишь царевичу выражения, т. е. выражения, имеющие индивидуализированный лексический оттенок, автор работает точкой зрения вымышленного читателя — фрейлины Арнгейм, поясняющего их происхождение: «Родшаго мя (*Примечание Арнгейм*: так царевич называет отца своего)» [20, с. 159] или «Сопряженная мне (*Примечание Арнгейм*: так царевич называет свою супругу, кронпринцессу Шарлотту)» [20, с. 165]. Еще одно примечание фрейлины касается любовницы Алексея: «Афроська! Афроська! (*Примечание Арнгейм*: следует непристойное ругательство)» [20, с. 165]. Эти примечания содержат точку зрения внешнего наблюдателя, получившего, в частности, возможность прочесть уничтоженный документ («Он при мне бросил его в огонь» [20, с. 175]), что исключает проверку его подлинности и авторства, и, вместе с тем, объединяет два вымышленных эгодокумента: фрейлина является автором своего дневника, читателем и комментатором дневника царевича. Однако сохраняя жанровые признаки эгодокумента, автор разрабатывает две его разновидности. «Дневник» фрейлины в целом содержит присущие дневнику признаки: датированные записи, хроникальность, дискретность, субъективность, завершенность повествования в рамках одной записи, преобладание факта над осмыслением, фиксация слухов, сплетен.

«Дневник» царевича по форме приближается к жанровой модели записной книжки, в которую занесены отрывочные, не связанные хронологией, краткие записи, порой напоминающие афоризмы («Нам, русским, не надобен хлеб: мы друг друга едим и сыты бываем» [20, с. 163]).

Характеристику Алексея, которая вырастает из текста его «Дневника», углубляет цитирование исторических документов и библейского текста, формирующих представление об образе мысли царевича, противостоящего своему отцу-реформатору, и об образе Петра, представленного в восприятии его сына и фрейлины Аргейм. Ее записи отражаются в записях царевича Алексея. В «Дневнике» фрейлины подчеркивается двойственная и нечеловеческая природа Петра: «А я повторяю еще раз: лучше ли он, хуже ли людей, не знаю, но мне иногда кажется, что он — не совсем человек. Царь набожен. Сам читает Апостол на клиросе <…> Рядом с набожностью кощунство. У князя-папы, шутовского патриарха, панагию заменяют глиняные фляги с колокольчиками. Евангелие — книга-погребец со склянками водки; крест — из чубуков» [20, с. 132]. В записях Аргейм очевидны антиномии, характеризующие образ Петра: «Его стихии — огонь и вода» [20, с. 122], «дикарь и дитя» [20, с. 125], «детская резвость» — «зверская лютость» [20, с. 126], «застенчивость» — «дикое бесстыдство» [20, с. 126], «циническое любопытство» — «циническое милосердие» [20, с. 127], «сочетание силы и слабости» [20, с. 128] и др., чего в исторических источниках, разумеется, нет.

В «Дневнике» царевича акцентируется только вторая, негативная характеристика: «Намедни, на подпитках, пастушок рязанский родшему мя говорил: “вы цари, земные боги, уподобляетеся Самому Царю Небесному”. А князь-папа, пьяный шут, над святителем ругался: — Я, говорит, хоть и в шутах патриарх, а такого бы слова царю не сказал! Божие больше царева. И царь шута похвалил. * * * На тех же подпитках, как заговорили архиереи о вдовстве церкви и о нужде патриаршества, родший мя в великом гневе выхватил из ножен кортик, так что все затряслись, думали, рубить станет, ударил лезвеем плашмя по столу, да закричал: — Вот вам патриарх! Оба вместе — патриарх и царь!» [20, с. 170–171].

Прототипным текстом в последнем фрагменте является один из «Рассказов Нартова о Петре Великом» (1891): «Его императорское величество, присутствуя в собрании с архиереями, приметив некоторое усильное желание к избранию патриарха, о чем неоднократно от духовенства предлагаемо было, вынув одною рукою из кармана к такому случаю приготовленный Духовный Регламент и отдав, сказал

им грозно: “Вы просите патриарха; вот вам духовный патриарх, а противомыслящим сему (выдернув другою рукою из ножен кортик и ударяя оным по столу) вот булатный патриарх!” Потом встав пошел вон» [22, с. 71]. При перестройке текста меняется точка зрения, подчеркивается неприязненное отношение к Петру («на подпитках», «в великом гневе», «выхватил», «все затряслись, думали, рубить станет», «закричал») и снимается важное для характеристики его подлинных намерений указание на «к такому случаю приготовленный Духовный Регламент». То, что в «Дневнике» фрейлины декларируется, — «Иногда кажется, что в нем слились противоречия двух родных ему стихий — воды и огня — в одно существо, странное, чуждое — не знаю, доброе или злое, божеское или бесовское — но нечеловеческое» [20, с. 124], — в «Дневнике» царевича афористически осмысляется и усугубляется: «Против речного-де стремления, говорят отцы, нельзя плавать, плетью обуха не перешибешь. А как же святые мученики кровей своих за церковь не щадили? <…> Навуходоносор, царь Вавилонский, рече: *Бог есмь аз*. Да не богом, а скотом стал» [20, с. 170, 172].

«Дневники» в III части романа «Антихрист. Петр и Алексей» занимают важнейшее место в архитектонике романа и дают возможность автору выразить свои позиции относительно конфликта между двумя противоречивыми историческими фигурами. В обоих текстах немало анахронизмов, искажения фактов и авторства цитируемого материала. «Дело, однако, не в них, — писала Минц. — Если искать в романе Мережковского историческую правду об эпохе Петра I, то произведение придется сразу отвергнуть. <…> Выписывая цитаты из источников, Мережковский воспринимал их не в качестве исторических фактов, а как символы, за которыми скрываются таинственные и страшные силы истории. <…> цепь символов не столько рассказывала о прошлом, сколько пророчила будущее» [8, с. 600].

«Дневник фрейлины Аргейм» давал оценку эпохе Петра с европейской точки зрения и утверждал двойственность природы самодержца и его реформ, обусловившую историческую трагедию России. «Дневник царевича Алексея» должен был открыть сокровенные и подлинные чувства, мотивы поведения антагониста Петра и объяснять его трагедию в свете историософии Мережковского. Исторические источники, к которым он обращался, не содержали тех антиномий, которые символизировали бы глубинные противоречия между Петром и Алексеем. «Чужое» слово в вымышленных дневниках является важнейшим стилеобразующим фактором, поскольку современное и архаичное, книжное и устное слово становятся одинаково художе-

ственно плодотворными и свидетельствуют о чертах метаисторизма в «оформлении единого “пространства” культуры, объединяющего прошлое и настоящее» [1, с. 35].

Вернемся, однако, к мысли Д. Мирского об особенностях мышления Мережковского. Думается, мы имеем дело с явлением переходным. Не случайно Минц говорила о том, что он «зачастую не имеет достаточной спонтанной художественной силы для воплощения своего новаторства» [7, с. 373]. Ощущение глубинных «всемирно-исторических» противоречий воспринято им не чувственно, а умственно, рационально, и воплощено потому «суховато “логически”» и стилистически однородно. Очевидная композиционная, тематическая антитетичность, намеренное обозначение ее в заглавиях, создание целых рядов, цепочек антонимов, включение в антонимические отношения слов, антонимами не являющихся, что, впрочем, характерно и для досимволистской поэтики, наконец, подчинение «чужого» слова этим общим законам своего письма обусловлены рациональным и предельно четким интеллектуальным конструктом, организующим материал, но не формирующим еще поэтического языка, способного выразить «скрытое там, за дымкой явлений». Так что в творчестве Мережковского, по-видимому, еще нет «антиномической поэтики», но есть ее обещание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Барковская Н.* Стиль и стилизация в модернистской прозе начала XX века // XX век. Литература. Стиль. (Стилевые закономерности русской литературы XX века. 1900–1930). Екатеринбург: Ур. гос. ун-т, 1996. Вып. II. С. 27–36.
2. *Бахтин М.М.* Собр. соч.: в 7 т. М.: Языки славянских культур, 2012. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). 880 с.; 2002. Т. 6: Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960-х – 1970-х гг. 800 с.
3. *Воронцова Т.В.* Путь между двумя апокалипсисами: Концепция истории в первой трилогии Д.С. Мережковского // Волшебная гора. 1998. № 7. С. 420–430.
4. *Воронцова Т.В.* Пушкин и Мережковский: «Свое в чужом» в трилогии «Христос и Антихрист» // Пушкин и русская культура. М.: Диалог-МГУ, 1999. Вып. 2. С. 119–127.

5. *Козьменко М.В.* Проблемы стилизации в русской прозе десятых годов XX века: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1988. 24 с.
6. *Кубасов А.В.* Проза А.П. Чехова: искусство стилизации. Екатеринбург: Уральский гос. педагогический ун-т, 1998. 399 с.
7. *Минц З.Г.* [Комментарии] // *Мережковский Д.С.* Христос и антихрист. Репринтное воспроизведение издания 1914 года. М.: Книга, 1990. Т. 2. С. 368–394.
8. *Минц З.Г.* [Комментарии] // *Мережковский Д.С.* Христос и антихрист. Репринтное воспроизведение издания 1914 года. М.: Книга, 1990. Т. 4. С. 598–636.
9. *Мирский Д.С.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / пер. с англ. Р. Зерновой. Новосибирск: Изд-во «Свиньин и сыновья», 2005. 964 с.
10. *Полонский В.В.* «Заклинатель» неправого мира: жизнеописания Мережковского в контексте традиций биографического жанра // Мережковские и Европа / под общ. ред. В.В. Полонского; ред.-сост.: Е.А. Андрущенко, О.А. Блинова, В.М. Введенская. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 20–45. https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0739-7
11. *Пономарева Г.* Заметки о семантике «перепутанных цитат» в исторических романах Д.С. Мережковского // Классицизм и модернизм: сб. ст. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1994. С. 102–111.
12. *Троицкий В.Ю.* Стилизация // Слово и образ: сб. ст. / сост. В.В. Кожевникова. М.: Просвещение, 1964. С. 164–194.
13. *Тынянов Ю.Н.* Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 198–226.
14. *Хромова И.А.* Роман Д.С. Мережковского «Антихрист. Петр и Алексей»: мир художественных образов и символов: автореф. дис. … канд. филол. наук. Смоленск, 2006. 24 с.
15. *Эйдинова В.* Идеи М. Бахтина и «стилевое состояние» русской литературы 1920–1930-х годов // XX век. Литература. Стиль. (Стилевые закономерности русской литературы XX века. 1900–1930). Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 1996. Вып. II. С. 7–18.

Источники

16. Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого: 1721–1725 год / пер. с нем. И. Аммон. М.: А.И. Кошелев, 1857–1862. [Ч. 1–4].
17. *Есипов Г.В.* Раскольничьи дела XVIII столетия. Извлеченные из дел Преображенского приказа и тайной розыскных дел канцелярии

г. Есиповым / изд. Д.Е. Кожанчикова. СПб.: тип. т-ва «Общественная польза», 1861–1863. Вып. 1–2.

18. *Иванов-Разумник*. Творчество и критика. Статьи критические. 1908–1922. Пг.: Колос, 1922. 260 с.
19. *Лавров А.В*. К истории журнала «Новый путь». Официальные документы // Габриэлиада. К 65-летию Г.Г. Суперфина. Интернет-проект: Ruthenia.ru; ОГИ; кафедра русской литературы Тартуского университета. 2011. URL: https://www.ruthenia.ru/document/545658.html (дата обращения: 04.05.2025).
20. *Мережковский Д.С*. Антихрист. Петр и Алексей // *Мережковский Д.С.* Полн. собр. соч.: в 24 т. М.: тип. т-ва И.Д. Сытина, 1914. Т. 4. 279 с.
21. Письма русских государей и других особ царского семейства. М.: тип. Сергея Орлова, 1861. Т. I: Переписка Петра I с Екатериною Алексеевною. 167 с.
22. Рассказы Нартова о Петре Великом / [обраб. и доп. А.А. Нартов; ред., вступ. ст. и примеч. Л.Н. Майкова]. СПб.: тип. Акад. наук, 1891. 138 с.
23. Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича, вновь найденных Г.В. Есиповым, с приложением рассуждения М.П. Погодина. М.: изд. Императорского Общ-ва истории и древностей российских при Московском ун-те, 1861. 369 с.
24. *Соловьев С.М*. История России с древнейших времен: в 29 т. М.; СПб.: Общественная польза, 1867. Кн. I. Т. I–V. 2-е изд. 1726 стлб.
25. *Устрялов Н.Г*. История царствования Петра Великого: в 8 т. СПб.: в тип. II отд. Собств. Его имп. Вел. Канцелярии, 1859. Т. 6: Царевич Алексей Петрович. 628 с.